

Я. К. ГРОТ

Петр Великий как просветитель России

Добер владатель несть удоволен, дабы об-
держал владательство в древнем его бытию.

Крижанич. Русское государство в полов<и-
не> XVII в. Ч. I. С. IV

Се оный твой, Россие, Сампсон, каковый
дабы в тебе могл явитися, никто в мире не
надеялся, а о являшемся весь мир удивил-
ся.

Слова и речи Феофана. Ч. II. С. 128

Важные минуты переживает ныне русский народ: воскрешая славнейшую эпоху его прошлого, они снова сближают Россию с величайшим деятелем ее истории, настойчиво напоминают его великие, далеко не вполне еще достигнутые просветительные цели. Восьмидесятимиллионное население исполинской державы празднует достопамятный день, когда в русской земле впервые явилась та могучая духовная сила, которая должна была оставить неизгладимые следы в судьбах целой Европы. И не одна Россия, весь славянский мир в эти минуты с гордостью именует Петра *своим*. К общему земскому торжеству присоединяется и Академия Наук, не потому только, что Петр — ее творец, что мысль его до сих пор отражается в каждом биении ее жизни, но потому преимущественно, что он был неутомимым поборником высших интересов человечества, что он положил начало просвещению своей могущественной нации и ввел ее в круг деятельных членов образованного мира. Вся жизнь его была труд, забо-

та, непрерывная борьба, но борьба, почти всегда оканчивавшаяся победой: борьба на жизнь и смерть с собственной семьей, — с сестрою, с супругой, с сыном; кровавая борьба с врагами внутренними и внешними; наконец, упорная борьба с невежеством, предрассудками, суеверием, борьба под знаменем идеи и истины. Вот самая почетная и самая плодотворная борьба, какую пришлось вести Петру; плоды образования были существеннейшим результатом всех подвигов Великого, и этой-то вечнопамятной заслуге его будет предпочтительно посвящено мое чтение.

Просветительные начала проводились Петром разнообразно: они являлись в личности его и примере, в его законах и учреждениях, наконец в мерах, непосредственно направленных к распространению образования путем училищ и литературы. При рассмотрении некоторых из этих сторон деятельности Петра невозможно будет обойти и самого животрепещущего вопроса, так часто занимающего потомство, вопроса о правильности и значении его образа действий.

Остановимся прежде всего на личности Петра, взглянем на собственное его образование, на подготовку, с какою он приступил к великому делу, и на последующие его духовные успехи. Хотя о воспитании его в детстве сохранилось мало известий, мы однако ж знаем довольно, чтобы судить о ходе и характере развития Петра. Уже в раннем возрасте он носит печать нравственного величия и гениальной своеобразности. В военных играх с своими сверстниками, какие бывали и при прежних царевичах, он не хочет пользоваться преимуществами своего положения: он ставит себя на одну линию с товарищами, несет с ними равную службу, начинает с нижних ее степеней, участвует вместе со всеми в черной работе и для повышения подчиняется требованию действительной заслуги; посред забав он уже служит делу и идее; привыкает к труду и лишениям, к правильному пониманию обязанностей и отношений, без всякого лицепрятия. В ребенке Петре мы уже видим будущего карателя всякой неправды. Постепенно, с каждым годом, он расширяет круг своих военных потех и более развивает их значение, уже являясь единственным и беспримерным между всеми современниками, которые еще не могут вполне понять глубокого смысла его поступков. Книжное учение Петра началось, вероятно, в исходе трехлетнего возраста* его в благодатной тишине уединения. Есть извест-

* *Забелин И.* Опыты изучения русских древностей: Детские годы Петра Великого. М., 1872. С. 20 и след.

тие, что учитель его Зотов очень рано успел заинтересовать его историческими рассказами с помощью картин (кунштов), не только находившихся в книгах, но и развешанных по стенам*, в чем нет повода сомневаться, так как подобные «фряжские и немецкие потешные листы» уже и прежде водились в царских палатах. Таким способом любознательность даровитого ребенка была в высшей степени возбуждена, и мы можем допустить предположение, что Петр перечитал если не все, то многое из того, что хранилось в царской библиотеке**. Между учебными пособиями его был голландский всемирный атлас. Есть сведение, что молодой царевич, подобно Ивану Грозному, знал наизусть все Евангелие и Апостол***. Это показание о Петре Великом подкрепляется тем, что он впоследствии в письмах своих любил приводить тексты из Священного Писания. Мы имеем сверх того свидетельство Лейбница****, основанное на личных его сношениях с Петром, что Преобразователь России знал Священное Писание в совершенстве и был очень сведущ в церковных делах*****. Из переписки Петра с его приближенными видно также, что он знал греческую и римскую мифологию. Еще до первого заграничного своего путешествия он был в некоторой степени знаком с языками немецким и голландским. Всем известно, как он, хотя и поздно, при помощи Тиммермана¹ и других приобрел сведения в математике. Таким образом Петр, несмотря на свое плохое воспитание, обладал уже в начале своего царственного поприща порядочным запасом познаний; но понятно, что он, при своей ненасытной любознательности, сам чувствовал их скудость и впоследствии часто жаловался на недостаточность

* Сказание о рождении, о воспитании... Государя Петра Первого, изд. В. Вороблевским. М., 1787. С. 43 (Записки Крекшина).

** *Петров П.* Петр Великий... СПб., 1872. С. 12.

*** Сказание... С. 45.

**** *Герье В.* Отношения Лейбница к России и Петру Великому. СПб., 1871. С. 30.

***** Близкий к Петру Феофан Прокопович также свидетельствует, что в разговорах богословских он не только не стыдился, как часто бывает, и других слушать, и сам не молчать, но с охотой принимал в них участие, и многих в сомнениях совести наставлял, отвращал от неверия, приводил к познанию истины, и это делал он не только с знатными, но и с простыми и бедными, особенно же, когда случилось, с раскольниками. И на это у него было готово как бы всеоружие — изученные из Священного Писания догматы, особенно послания Павла, которые он твердо хранил в памяти (*Феофан Прокопович.* Слова и речи. Ч. II. С. 160—161).

своего школьного образования. Так однажды, зайдя в учебную комнату своих дочерей и застав их за уроками, он со вздохом сказал: «О, если бы я в моей молодости был выучен как должно!» *. Легко представить себе, как быстро при этом сознании и гениальных способностях должны были расти сведения Петра, особенно во время своих путешествий, практическим путем, посредством внимательного осмотра всего замечательного, беспрестанных расспросов и бесед с учеными, с художниками и техниками. Уже в Кенигсберге он изучил в теории и на практике артиллерию и сделался, по словам своего учителя, «благоискусным огнестрельным мастером и художником» **. Его пребывание в Голландии, Англии и позднее во Франции было постоянною школою, в которой державный ученик изумил весь мир прилежанием и успехами; во время шведской войны, при его свидании с польским королем в Биржах, присутствовавшие заметили, что Петр очень сведущ в географии, черчении и рисовании и усердно занимается этими предметами ***. Важным событием в его умственной жизни было сближение с гениальным ученым и писателем Лейбницем, который с самого вступления Петра на престол зорко следил за его преобразованиями, а впоследствии старался быть ему полезным своими идеями в деле просвещения России. После бесед с Петром Лейбниц был поражен всею его личностью, был, по собственному выражению в письме к одному приятелю, удивлен не только гуманностью такого могущественного государя, но и обширными его сведениями и быстрым соображением ****.

* *Stählin J.* Originalanedkten von Peter dem Grossen. Leipzig, 1785. P. 268. *Он же.* Записки о Петре III // Чт<ения> в Общ<естве> Ист<ории> и Др<евности>. 1866. Кн. IV: Смесъ. С. 80; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. XIV. С. 251.

** Слова из свидетельства, данного Петру его кенигсбергским учителем полковником Штернфельдом. *Соловьев С. М.* Указ. соч. Т. XIV. С. 251.

*** Временник Моск<овского> Ист<орического> Общ<ества>. Кн. XVII; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Т. XIV. С. 360.

**** «Miratus in tanto Principe non tatum humanitatem, sed et notitam rerum et judicium acre» (Leibnitii Epistolae ad diversos / div. Ch. Kortholt. Lips., 1734. P. 365, ep. CCVIII, ad Kortnolt). «Auch die zwei Tage, welche Peter in Herrenhausen in Erwartung des Königs von England damals zubrachte, blieb Leibnitz an seiner Seite voll Bewunderung (drückt er sich aus) nicht nur über die Humanität, sondern auch die reichen Kenntnisse und das scharfe Urtheil bei einem solchen Fürsten» (*Dr. G. E. Guhrauer.* G. W. Freiherr von Leibnitz. Т. II. S. 276). Вообще письма Лейбница полны выражений удивления к

Характеристику Петра в этом отношении дополняет важный для нас отзыв Феофана. Похвалив изумительную память, остроумие, находчивость Государя, знаменитый оратор говорит: «Ему академиями были города и страны, республики и монархии и дома царские, в которых гостем бывал; учителями его были, хотя и сами про то не ведали, и к нему приходившие послы и гости, и его угощавшие государи и правители. Где бы ему ни случилось быть, с кем бы ни побеседовать, он только о том и заботился, чтоб это сопричастие не осталось напрасным, чтоб ему не уйти и не разойтись без какой-нибудь пользы, без какого-нибудь поучения. Сверх того много пособило ему и то, что, выучившись некоторым европейским языкам, он часто занимался чтением исторических и назидательных книг; от этих-то учений происходило, что разговоры его о всяком деле были содержательны, хотя и не многоречивы, и о чем ни велась беседа, от него слышались рассуждения тонкие и доводы сильные и вместе с тем рассказы, притчи, подобию, к наслаждению и удивлению всех присутствовавших» *.

Вообще думают, что Петр, уважая науку, мало сочувствовал искусству или, по крайней мере, изящному в искусстве, и предпочитал ему фарс и карикатуру. Правда, что он нередко искал развлечения в смешном и уродливом; в музыке на него более действовало поразительное, соответствовавшее его привычкам и любимым занятиям, нежели утонченно-прекрасное; но в живописи эстетическое чувство его достигло замечательного развития, как показывают многие картины и статуи, которые он выбирал за границу для ввоза в Россию **. Он понимал цену и значение искусства, стараясь водворить его в отечестве наравне с наукою. Характеристичен анекдот Нартова, что однажды, когда приехали в Петербург плясуны и акробаты, то Петр заметил полицеймейстеру Девьеру: «Здесь надобны художники, а не фигляры; Петербург — не Париж... Пришельцам-шатунам сорить деньги грех». Мы узнаем тут и мнение Петра о столице Франции. В другой раз он, по рассказу того же Нартова, выразился о Париже еще резче. При отъезде оттуда, пожалев, что

Петру Великому. Так, от 2 июля 1716 г. он, между прочим, писал к Бурпе (Bourguet): «Je ne saurais assez admirer la vivacité et le jugement de ce grand Prince. Il fait venir des habiles gens de tous côtés, et quand il leur parle, ils en sont tous étonnés, tant il leur parle a propos» и т. д. (*Герье Вл.* Переписка Лейбница. С. 360).

* Слова и речи Феофана. Т. II. С. 160—161.

** *Bergman B.* Peter der Grosse. Bd. VI. S. 72; *Stählin.* P. 55, 98, 196, 297.

должен покинуть место, где цветут науки и искусства, он прибавил: «Жалею, что этот город рано или поздно от роскоши и необузданности претерпит великий вред, а от смрада вымрет» *.

Не по одному уважению своему к науке и к искусству Петр являлся истинно просвещенным человеком. При глубоком благочестии, которое заставляло его приписывать всякий успех Богу и считать атеистов безумцами **, при строгом охранении православия он однако ж был далек от узкой религиозной нетерпимости. В чужих христианских исповеданиях он готов был признать всякую хорошую сторону; в Лондоне, в Данциге, даже в Москве и в Петербурге он охотно посещал протестантское богослужение и ценил пользу хорошей проповеди. Здесь нельзя не вспомнить сильного впечатления, произведенного на него в Амстердаме зрелищем церкви разных исповеданий, которых представители мирно сходились на поприще гражданской и промышленной деятельности ***. Он дал себе слово завести то же самое в России, и поданный им пример надолго установил руководящее начало русского правительства. Большое уважение оказывал Петр памяти германского реформатора, внушавшего ему особенное сочувствие своим энергическим характером и образом действий. На одном из памятных листков, которые Петр всегда носил с собою и в дороге, и дома, отмечены его рукою годы рождения и смерти Лютера ****. Терпимость Петра к другим исповеданиям выказалась всего ярче в знаменитом указе 1702 года о вызове иностранцев, где находятся следующие незабвенные слова: «...мы, по дарованной нам от Всевышнего власти, совести человеческой приневоливать не желаем и охотно предоставляем каждому христианину на его ответственность пещись о блаженстве души своей. Итак мы крепко того станем смотреть, чтобы по-прежнему обычаю никто как в своем публичном, так и в частном богослужении обеспокоен не был, но

* *Нартов*. Анекд. 66 и 126. — Анекдоты Нартова были напечатаны два раза: в «Сыне Отечества» (1819. Ч. 54 и д.) и в «Москвитянине» (1842. Ч. II, III, IV и VI, под заглавием «Достопамятные почествования и речи Петра Великого»). Здесь ссылки делаются большей частью на это последнее издание, в котором анекдоты полнее, с указанием их номера. На Штелина ссылки делаются означением страниц.

** *Stählin*. 37, 155; *Нартов*. Анекд. 71, 142.

*** *Stählin*. 151; *Нартов*. Анекд. 4.

**** О таких памятных книжках см.: *Голиков* И. I, 115; XI, 492. Ср.: V, 106 (2-е изд.).

при оном содержан и противу всякого помешательства защищен был» *.

К сожалению, принцип свободы совести не мог быть распространен в равной степени на разногласия в лоне господствующей церкви. Долго Петр относился снисходительно, говоря: «Если они честные, работающие люди, то пусть веруют, во что хотят: если их нельзя обратить рассудком, то, конечно, не пособит ни огонь, ни меч; а мучениками за глупость быть — ни они той чести не достойны, ни стране прибыли от того не будет» **. Но, с другой стороны, нельзя было допускать усиления раскола, а между тем последователи его оказывались злейшими врагами преобразования, проповедовали появление в царе антихриста, толпами удалялись в леса и пустыни, уклонялись от службы и труда. Меры, принятые против их размножения, мало-помалу повели к преследованиям, пыткам и казням. Случилось именно то, чего Петр сначала хотел избежать.

Это противоречие приводит нас к другой стороне личности Петра, к той стороне, которая в глазах многих не раз уже заслонила все достоинства его и заставляла видеть в нем необузданного тирана. Чтобы объяснить это недоразумение, мы должны припомнить, что при рождении Петра в русском обществе существовало двоякое настроение. Малая часть его была затронута начавшимся уже поворотом к европейскому быту; большинство же коснело в стародавнем застое: «благочестивая старина боялась западной новизны» ***. Петр, сделавшись вождем меньшинства, не мог не сохранять на себе отпечатка почти общей грубости нравов. Все, что он вынес из общения с иноземцами, не могло изгладить в нем влияния домашних примеров; да притом и в общем духе времени, в нравах западной Европы оставались еще многие черты суровости. Так произошло в Петре то тесное сочетание несовместных по-видимому, но явных и поразительных противоречий, которое дало повод проницательной немецкой принцессе после первой с ним встречи сказать меткое слово, что это очень добрый, но вместе и очень злой государь (*c'est un prince à la fois très bon et très méchant*) ****. Так объясняется в

* Полн<ое> собр<ание> зак<онов>. Т. IV. № 1908: Указ 14 апр. 1702.

** Соловьев. Т. XIV. С. 323; *Stählin*. S. 154.

*** Забелин. С. 69.

**** *Erman*. *Mém<oirs> pour servir a l'histoire de Sophie Charlotte, reine de Prusse*. Berl., 1801. P. 116—121.

нем соединение беспощадной строгости с сердечною мягкостью и даже нежностью. Так он, будучи в Голландии, в одном анатомическом кабинете с умилением целует улыбающееся лицо мертвого ребенка, а в другом заставляет своих сопутников зубами рвать мускулы человеческого трупа, чтобы приучить русских к поучительным наблюдениям *. Так, он жалеет о птичке, задыхающейся под стеклянным колпаком **, — и собственными руками отрубает головы мятежным стрельцам.

Горячим защитником Петра против упреков в жестокосердии является, в исходе прошлого столетия, известный историк князь Щербатов ***. Он припоминает раздиравшие Россию перед тем смуты и междоусобия; припоминает бунты, совпавшие с детством Петра, грозившие его жизни, и гибель многих близких ему людей: эти обстоятельства могли развить некоторую жестокость в молодом государе. Страшную строгость, оказанную Петром в возмездии за последний стрелецкий бунт, заставивший его внезапно прервать свое путешествие и возвратиться в Россию, Щербатов оправдывает необходимостью обезопасить общественное спокойствие от повторения подобных явлений, которые были бы неизбежны и впредь, пока существовали стрельцы. Что Петр заставлял некоторых из своих вельмож играть в этом случае роль палачей, объясняется тем, что он подозревал их в единомыслии со стрельцами; собственное же его, своеручное участие в казнях — желанием не огорчить приближенных возложенною на них печальною обязанностью, которая, впрочем, по понятиям времени не считалась унижительною ****. Щербатов прибавляет, что Петр не без суда казнил стрельцов; напротив, произвел столь справедливый суд, что всякий, кто мог

* *Пекарский*. Наука и лит<ература> при Петре В<еликом>. Т. I. С. 9—10.

** *Нартов*. С. 101.

*** В статье «Рассмотрение о пороках и самовластии Петра В<еликого>» (Чт<ения> в Общ<естве> Ист<ории> и Др<евностей>. 1860. Кн. I).

**** Ср. *Крижанич*. Т. II. С. 240: «В давних веках князи немецки сами бяху каты: и сами своими руками фатом и иным кривцем главу отрезоваху некоиими великими ножицами, каковыи ножицы и до днеска на память держят в соблюдению: и славятся, кои от таковых главорезцев свой род издавна ведут: яко ми есть поведал Филип фон Зеиц полковник, еже де он сам есь видел таковыи ножицы у Шварцебургских князев, и инде». О петровском времени метко выражается Державин: «Нравы были тверже; смерть — дело обыкновенное» (Соч. Держ<авина>. Т. VII. С. 345).

сколько-нибудь оправдаться, был освобожден от плахи; мало того: некоторые начальники стрельцов, участвовавшие в бунте, но показавшие раскаяние и обещавшие верность, получили помилование и награды. Что касается грозных возмездий сестре и сыну, то Щербатов ни в чем не находит оправдания жестокости Петра, кроме воспитания его и духа времени*. Но осуждение

* Князь Щербатов далее рассуждает таким образом: Многие ставят Петру в вину, что он за проступки своих приближенных иногда своими руками наказывал их. Щербатов сознается, что в европейских обычаях, Петром же введенных, это не может не казаться странным, и многие из нас, замечает он, конечно захотят «скорее смертную казнь претерпеть, нежели жить после палок и плетей, хотя бы сие наказание и священными руками и под очами Божия помазанника было учинено». Но всякий век имеет свои нравы, а тот век был таков, что значение побоев измеряли только степень причиненной боли, не вменяя их себе в бесчестие, хотя бы они нанесены были и рукою палача. Удивительно ли же, что Петр Великий, следуя своему горячему нраву, в обращении с людьми такого воспитания, сам уступал своему воспитанию? Притом, кого он таким образом наказывал? Или тех, которых он из праха возвел на высокую череду, или молодых людей, часто порочных, которые по закону заслуживали более жестокого наказания. Но вельможи сановитые, как князь Яков Фед. Долгоруков, хотя и резко ему противоречивший, Борис Петр. Шереметев, князь Мих. Мих. и Дм. Мих. Голицыны, такому домашнему исправлению никогда не подвергались. Итак, заключает Щербатов, лучше подивитесь, хулители Петра, что он, при своем вспыльчивом характере, при своем воспитании, терпеливо переносил частое ему противоречие и правду, и, жертвуя своим самолюбием благу государства, не только не наказывал верных своих слуг за икренность, но еще осыпал их своими милостями.

Относительно наклонности Петра Великого к шумным увеселениям надобно вспомнить, каковы были тогда вообще нравы и обычаи в Европе, и примеры, которые там видел царственный путешественник. Везде, говорит Щербатов, во время увеселений и пиршеств выходили из пределов умеренности. Не забудем, что Петр, хотя и следовал в таких случаях современным обычаям, но отличался тою особенностью, что при этом слагал с себя царское величие и, нисходя к своим подданным, веселился с ними, как равный, позволял всякому говорить ему правду и обращаться с ним без чинов. Разгул Петра в поздние часы дня нисколько не ослаблял его деятельности в остальное время, служил ему только необходимым умственным и телесным отдыхом. Притом очень возможно, что Петр в этих увеселениях имел еще и особенную цель: принуждая своих приближенных, а иногда и женщин пить сверх меры, он, может быть, хотел пользоваться их откровенностью, узнавать их тайные помыслы и взаимные отношения, чтобы тем легче оберегать себя от их наветов и козней, от их противодействия его нововведениям.

сына на смерть было политической необходимостью, так как невозможно было бы, пока он жив, безвозвратно устранить его от престола, на который возведение его равнялось бы решительному уничтожению всех преобразований отца.

Особенного внимания историка и психолога заслуживает одна знаменательная черта в бессмертной личности Петра I. Самодержавный повелитель миллионов, он, по особенным ли потребностям своей гениальной природы или по глубоко обдуманному плану соединяет с царским саном характер частного лица: передает почести и роль государя подданному, а сам становится в ряды не только простых граждан, но работников; исправляет механические труды почти по всем отраслям технического производства; иногда не отказывается даже от задельной платы*; поет в церкви на клиросе; ездит в Москве славить Христа; проходит службу с нижних чинов; является к воображаемому кесарю в качестве подданного; принимает служебные награды от своих вельмож; переписывается с доверенными лицами как равный.

Таким образом Петр представляет нам на престоле совершенно исключительное и беспрецедентное в истории явление: ничего подобного мы не встречаем и у других народов. Есть основание думать, что так действовал Петр не по прихоти, но с намерением, — чтобы служить примером малообразованному народу, который до тех пор полагал все величие во внешности, все счастье — в праздной и беззаботной жизни. Именно для тогдашнего русского общества нужен был пример государя, который, наперекор всем преданиям и понятиям массы, не только не гнушался ничем человеческим, но не избегал и самых низких, по-видимому, занятий. Зная, как хорошо он изучил Священное Писание,

Не мог он распространить торговли без приобретения портов, а приобрести портов не мог без войны: потому регулярные войска для защищения государства и для распространения границ до моря были необходимо нужны. Он ввел новые порядки, изменил внешние обычаи, установил налоги, записал дворян в службу, не на сроки, а навсегда; взял детей, послал учиться разным мастерствам и наукам. Если б Петр не преобразовал войска, — а это повлекло за собой и другие изменения, — кто ручается, что завистливые соседи, давно заграждавшие просвещению путь в Россию, не воспользовались бы ее бессилием задолго до времени, когда бы она успела сама собой преобрести улучшения, доставленные ей Петром, но которые, по расчислению Щербатова, без особенных напряжений могли бы осуществиться не прежде 1892 года.

* *Нартов*. Анекд. 81.

можно предполагать, что глубокая новозаветная мысль лежала в основе такого образа действий. Не без умысла Петр хвалился мозолями на своих руках, недаром указывал на себя подданным и говорил, что врачует их примерами *. Чтобы внушить русским людям уважение к труду, он становится среди своего народа первым тружеником, неутомимым, «вечным работником». Вот коренная просветительная идея и цель Петра. Таков же был источник крайней бережливости Петра и простоты во всей его обстановке — в одежде, в пище, в устройстве его двора. Весь поглощенный заботами о существенном, он не находил и времени думать о внешних удобствах или пышности. Даже в последние годы жизни у него не было своего цуга: обыкновенно он ездил в простой одноколке парой, а для торжественных выездов занимал экипаж с лошадьми у одного из своих вельмож **. И, несмотря на всю умеренность своего образа жизни, он почти всегда испытывал нужду. Таковую же бережливость старался он ввести и в общественную жизнь, о чем свидетельствует не один изданный им указ об ограничении роскоши ***.

Приходя к общему заключению о личности Петра, изображение которой, впрочем, далеко не исчерпано мною, мы должны согласиться, что он, отражая в себе некоторые темные стороны своего времени, вообще стоял однако же неизмеримо выше его по своим понятиям и взглядам: многие идеи, только в наш век проникающие в общее сознание, уже занимали и руководили Петра в его деятельности и законодательстве. Самою выдающею чертою духовной природы Петра было его правдолюбие, его ненависть ко всякой лжи. После посещения английского парламента он, по свидетельству Нартова, невольно заметил: «Весело слышать, когда сыны отечества королю говорят явно правду; сему-то у англичан учиться должно» ****. Известно, как сам он всегда требовал правды от своих подданных, как охотно прощал всякую вину за откровенное в ней сознание. Глубокое уважение к истинному достоинству и заслуге, к сущности всякого дела, к знанию и труду, строгое правосудие, разумное и спокойное мужество, непоколебимая твердость, решительность и вместе с тем удивительная скромность украшали его так же, как, с другой стороны, безрассудная отвага и страсть к завоеваниям были ему чужды; природа щедро наделила его дарами,

* *Нартов*. Анекд. 12.

** *Дневник камер-юнкера Берхгольца*. М. 1860. Т. II. С. 177.

*** *Соловьев*. Т. XIV. С. 311; Т. XVI. С. 220, 224.

**** *Нартов*. Анекд. 6.

нужными герою-просветителю в борьбе за умственные и нравственные успехи человечества. Уже тотчас по вступлении на престол он является во всеоружии своего гения и могущества и приступает к преобразованиям с ясным пониманием потребностей народа, но разумеется, что полнейшего и самого блестящего развития творческая его деятельность достигает только в последние годы его жизни, когда опытность придает силы его духу и внешняя безопасность государства окончательно утверждена.

Необходимость, неизбежность коренной реформы русского быта истекала из самых его условий; государство не могло оставаться в прежнем положении, должно было или сделаться жертвою сильных соседей, или выйти на новый путь развития. Тогда-то таинственный дух жизни вызвал в лице Петра неожиданное орудие обновления России. Нынешнее торжество ее служит громким всенародным протестом против односторонних обвинений великого дятеля в человеческих слабостях и в ошибках при избрании средств к достижению преобразовательных целей. Тем не менее, говоря о его заслугах, нельзя не коснуться этих упреков. Некоторые из них произносились уже его современниками, особенно иностранцами и теми из русских, которые не могли примириться с новизнами. Упреки доходили до него самого и вызывали его оправдания*. Смерть Преобразователя, невольное сознание его превосходства ввиду совершившихся событий надолго сомкнули уста порицателей. Все суждения о нем слились в один голос общего удивления и почитания. Историки, ораторы, стихотворцы уподобляли его божеству. Ломоносов в стенах Академии Наук был красноречивым истолкователем благоговения потомства к Родителю Елисаветы**. Но к концу прошлого столетия все это безмерное обожание, крайности, к каким привело злоупотребление некоторыми из петровских идей, наконец начавшее пробуждаться в немногих умах национальное самосознание возбудили сомнения в безусловном величии Петра. Стали отыскивать недостатки в его свойствах и деятельности. Еще в 1770-х годах княгиня Дашкова², находясь в Вене на обеде у знаменитого министра Кауница³ и слыша похвалы его Петру Великому, разразилась длинною филиппикой против знаменитого государя: она доказывала, что в России издревле процветала любовь к искусствам и были историки, оставившие целые груды рукописей, что и без Петра могущественная, богатая

* *Нартов*. Анекд. 26, 121.

** Похвальное слово его было произнесено 16 апр. 1755 г. См.: Соч. Ломоносова, изд. Смирд. Т. 1. С. 579.

держава привлекла бы к себе внимание Европы и т. д. * Позднее Болтин указывал, между прочим, на вред, произведенный при Петре отправлением дворян в путешествия по чужим краям, откуда большая часть посланных «возвратились не просвещеннее, не умнее, но порочнее и смешнее, нежели были». Впрочем, Болтин, вообще сочувствуя мудрым мерам Преобразователя, прибавлял: «Тогда познал Петр Великий, что надобно начать хорошим воспитанием, а кончить путешествием, чтобы видеть желанный плод» **.

Подобные укоризны продолжались и в нынешнем столетии. Самым строгим судьбою Петра сделался тот самый Карамзин, который в молодости усердно защищал его. «Все народное ничто пред человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских, а что англичане или немцы изобрели для пользы, выгоды человеческой, то мое, ибо я человек». Так говорил Карамзин в «Письмах русского путешественника» ***; в «Записке о древней и новой России» же, хваля многие свойства и законы Петра, он резко укорял его за введение иностранных обычаев, приписывал ему презрение к народным особенностям, осуждал отмену в высших классах русской одежды, пищи, бороды, порицал учреждение Сената вместо древней Думы, — коллегий вместо приказов, — министров, канцлеров, президентов вместо бояр, — генералов, капитанов, лейтенантов вместо воевод, сотников, пятидесятников. Далее Карамзину казалось вредным для нравов, что в соединении обоих полов европейская вольность заступила место азиатского принуждения; он жалел, что русские утратили свое гражданское достоинство вместе с уверенностью, что святая Русь — первое государство в мире, обвинял Петра за жестокость и ужасы самовластия, за унижение духовенства, подчинение церкви мирской власти, наконец, за основание столицы в суровом климате, на болотистой почве. Далее, однако ж, в той же записке, Карамзин, желая унижить современные ему реформы, превозносит идею русского Сената и невольно впадает в противоречие с самим собою ****.

Такие же нарекания Петру повторялись и в наше время. Не вдаваясь в подробности спорных вопросов, остановлюсь только на двух главных обвинительных пунктах, к которым примыка-

* Mémoires of the princess Daschkaw. Т. II. P. 258.

** Примечания на историю г. Леклерка. Т. II. С. 223.

*** Соч. Карамзина, изд. Смирд. Т. II. С. 515.

**** О древней и новой России. М., 1871. С. 2250—2258, 2283—2284.

ют все остальные. Говорят: 1) что он вытеснял русские обычаи иностранными, предпочитал иноземцев русским людям; 2) что он в своих преобразованиях употреблял насилие, принуждение и слишком крутые меры.

Против первого обвинения позволю себе напомнить, что народные обычаи бывают двойкие: одни касаются сущности быта, другие составляют только внешние его принадлежности. К числу первых относились у русских: затворничество женщин, браки без согласия обеих сторон *, правезж, продажа крестьян порознь без земли и пр. Кто в наши дни решится упрекнуть Петра за отмену или попытки к отмене этих варварских порядков? К другому разряду обычаев принадлежат борода и одежда, обратившие на себя гонения Петра. Здесь надобно припомнить, что еще до него были при московском дворе люди, начавшие брить бороду и одеваться по-европейски. Брат его Федор Алексеевич уже ввел между своими царедворцами польское платье. Еще при Годунове русские стали знакомиться с Западом и подражать в наружности иностранцам. Это не могло не возбудить негодования в упорных приверженцах старины. Мало-помалу «борода, по словам С. М. Соловьева, стала знаменем в борьбе двух сторон, и понятно, что когда победит сторона нового, то первым ее делом будет низложить враждебное знамя» **. Что касается до одежды, то достаточно указать, что длинное платье, исконное отличие жителей Востока, соответствует сродной им линии и мешает движению, работе. «Что делает обыкновенно человек в длинном платье, когда он начинает работать?» — спрашивает г. Соловьев и отвечает: «Он подбирает полы своего платья... Таким образом и русский человек, вступая на поприще европейской деятельности, естественно, должен был одеться в европейское платье, ибо вопрос и состоял только в том: к семье каких народов принадлежать, — европейских или азиатских? — и соответственно носить в одежде и знамение этой семьи» ***.

Другую важную причину, руководившую в этом деле Петра, было его желание привлечь в Россию иностранцев. Он предвидел, что при сохранении прежней одежды они продолжали бы

* Затворничество женщины было, конечно, следствием грубости нравов, при которой она не могла быть безопасною от оскорблений всякого рода. Еще в 1702 г. последовало распоряжение, чтобы браки никогда не заключались без обоюдного согласия вступающих в супружество.

** Соловьев. Т. XIV. С. 277.

*** Там же. Т. XV. С. 137.

чуждаться русских, и захотел уничтожить внешнюю помеху к сближению. Русские, с своей стороны, считая одних себя истинными христианами, а другие народы чуть не язычниками, в гордом самомнении презирали иноземцев, смотрели на них как на поганых, считали за грех иметь с ними сношения, а тем более перенимать у них что-нибудь*; и это заставило Петра принять крутые меры, чтобы преодолеть старинное предубеждение. Завбота о сближении России с Западом не была новостью: эта мысль более или менее занимала всех предшественников Петра, начиная с Ивана III: все они вызывали иностранных рудокопов, ремесленников, художников, наконец, образовали целые полки солдатские и рейтарские с иноземными офицерами. Иван Грозный старался овладеть левонским берегом Балтийского моря, вопрос о праве собственности на Неву возник с XIV столетия. Путь для преобразований был ясно намечен: недоставало только гигантской воли и могучей руки для их совершения. Мысль о народностях тогда еще нигде не пробуждалась: удивительно ли, что Петр, желая образовать свой народ, не думал оскорблять его заимствованием иностранных обычаев и вызовом чужеземцев? В этом он побуждался одним жеданием пользы, одними экономическими и политическими видами и следовал естественному историческому закону. «Как водится у других?» — вот простейший вседневный вопрос человеческой жизни; его задавали себе с незапамятных времен, повторяют теперь и вечно повторять будут. Естественно было, что народы скудного, запоздалого в образовании Севера, пока не стали на ноги, с ученическим доверием обращались в своих сомнениях к более опытному и сведущему Западу, который, кроме того, и своею более богатою природою, и более развитою общественностью всегда радужными красками рисуется в воображении северянина. Закон преемственности образования проходит чрез всю всемирную историю. В Грецию египетские и финикийские переселенцы занесли древневосточное образование; греческая культура разлилась по обширному римскому миру, который, наконец, охватил и северо-запад Европы; позднее греко-римское образование простерлось по Германии, еще позднее по Скандинавии. На славянский Восток, долго остававшийся в стороне от этого влияния, начатки образования сперва проникли из Византии, потом стали проникать и с Запада. Ближайшие к остальной Европе Польша и Малороссия по своему положению ранее других стран, составляющих нынеш-

* Забелин. «Опыты» и пр.; Русская личность и пр.; Общество накануне петровской реформы. С. 96 и др.; Щербатов. С. 10 и др.

нию Россию, сделались причастны к общеевропейской науке и послужили Москве первым источником этой науки. Из Киева с середины XVII века начинается переселение литературно образованных духовных в Москву, начинается прививка западноевропейских познаний, понятий и слов к дикому еще дереву великорусской жизни. Между тем туда же, в Москву, еще с XVI столетия идет другая колонизация: под стенами царской столицы со времен Ивана Грозного * образуется и быстро растет *Немецкая слобода*, где селятся иноземные мастера, техники, инженеры, врачи, торговые и военные люди. Но до Петра русские держались далеко от Немецкой слободы, в которой побывать считалось даже грехом.

Петр, вопреки предрассудку, начинает посещать слободу, находит в ней новые умственные наслаждения и обильный источник заманчивых познаний в беседе с людьми живыми, свежими, образованными, знакомыми с политическим состоянием Европы **. Без этой колонии у Петра не было бы ни Тиммермана, ни Гордона⁴, ни Лефорта, которые явились в Россию на призыв Алексея Михайловича. Но ни малороссийские переселенцы, ни Немецкая слобода не удовлетворяют Петра. Он хочет черпать свет у самого источника, хочет усилить в России европейскую колонизацию, чтобы привлечь в отечество западную науку, промышленность, торговлю. Обвинять Петра за выбор этого естественного пути к обновлению своей страны, сожалеть, что он не предпочел, сложа руки, терпеливо предоставить русских медленному ходу саморазвития, не значит ли покидать почву действительности и истории? В нынешнем человечестве есть только две совершенно независимо одна от другой развившиеся цивилизации: греко-римская и китайская. Те, которые желали бы еще третьей, исключительно русской, цивилизации, забывают и попытки предшественников Петра, и географическое положение России: с одной стороны, по континентальной массивности земли, по обширности ее пространств и по малому прикосновению к морю, физические условия ее неблагоприятны для саморазвития народа; с другой стороны, по отсутствию естественных преград между ею и Западом, посвоему положению на открытой, хотя и отдаленной равнине Россия как бы предназначена

* Карамзин. И<стория> Г<осударства> Р<оссийского>. Т. IX. С. 261 (изд. Эйнерл.).

** Posselt M. Franz Lefort & c., St. Peterburg, 1865, и разбор этого сочинения В. Бауером (Ж<урнал> М<инистерства> н<ародного> п<ровещения>. 1867. № 1).

была самой природой к дружному единению с остальной Европою, которой географическое очертание несравненно выгоднее для успехов просвещения. Согласно с этим указанием природы поступил и Петр, сокрушив китайскую стену, воздвигнутую вековыми предрассудками против сношений с Западной Европою. Была еще политическая преграда — вражда и зависть соседей, отделявших Россию от моря и старавшихся не допускать к ней просвещения: Петр уничтожил эту преграду завоеванием Ингерманландии и Ливонии. Приглашая к себе иностранцев, посылая своих в чужие края, он только стремился к тому, что ныне достигается пароходами, железными дорогами, телеграфами, этими могучими рычагами плодотворного обмена мыслей, обычаев и жизненных потребностей.

Не иностранцы сами по себе были нужны Петру; ему нужны были наука, искусство, фабрики, торговля. Иностранцы служили ему только орудием его планов, учителями русских. В позднейшее время своего царствования он давал иностранцам только второстепенные места в службе, высшие же должности предоставлял своим соотечественникам: так в президенты коллегий назначал он русских, иноземцы получали только звание вице-президентов; чин 1-го класса также не был доступен иностранцам*. По этой же причине в шведскую войну, поставив двух фельдмаршалов, Меншикова и Огильви, Петр кончил тем, что устранил последнего. В этом отношении он не уступал внушениям некоторых пришельцев, напр<имер> Паткуля, который желал, чтобы в военном и дипломатическом деле немцы совершенно вытеснили неспособных, по его мнению, русских. Петр, напротив, возлагал на своих единоплеменников великие надежды в будущем и при всех случаях подготавливал им возможность заменить со временем своих учителей как в практической деятельности, так и в науке. Обманувших свое доверие иностранцев он не щадил, так же, как и своих; в пример тому может быть приведен давно находившийся в русской службе Виниус, которого он долго отличал, но удалил от дел, как скоро убедился в его недобросовестности**. Нельзя подвергать Петра ответственности за первенствующую роль, какую вскоре после него играли иностранцы, пользуясь слабостью правительства и употребляя во зло свое положение. По всему видно, что он считал вызов их только временною мерою.

* Пекарский. Т. I. С. 303.

** Соловьев. Т. XV. С. 194; Т. XIV. С. 356; Т. XVI. С. 33, 19.

В стихе Пушкина о Петре: «не презирал страны родной» заключается глубоко справедливая мысль. При всем своем видимом пристрастии к иноземцам он оставался вполне русским человеком не только по своей восторженной любви к России, по вере в ее судьбу и в способности русского народа к самоусовершенствованию, но и по своим вкусам и характеру. В народном быту он преследовал только то, что противоречило его просветительным целям, но не касался безвредных обычаев, которые и сам любил соблюдать. При взятии Риги Петр, обратив внимание на университет, находившийся в Пернау, выразил намерение посылать туда для обучения молодых людей из своего государства и учредить в высокой школе особого профессора, который бы мог обучать славянскому (т. е. русскому литературному) языку и ввести его туда*.

Перейдем к обвинению Петра в слишком крутых и насильственных мерах. И оно значительно ослабевает, как только мы беспристрастно взглянем, с одной стороны, на общий дух времени, на общую суровость, еще проникавшую тогда законодательства и систему правительственной деятельности во всей Европе, с другой стороны — на умственное и нравственное состояние тогдашней России. Строгое порицание действий Петра часто происходило от недостаточного знакомства с средою, его окружавшею, со всеми подробностями его распоряжений и поводов, которые их вызывали. История его царствования была мало разработана. Только теперь, когда открыта масса новых документов, когда мы имеем уже основанное на актах изображение времени Петра в трудах Соловьева и отчасти Устрялова⁵ и во множестве монографий, возможно более сознательное и справедливое отношение к делу.

Чтобы в двух словах очертить быт русского народа до Петра, довольно сказать, что в нем не было ни семьи, в истинном ее значении, ни школы. Возможна ли семья без женщины, а в русской семье женщина была рабой и затворницей. Большинство русских людей, не получив никакого образования, переходило в деятельную жизнь почти прямо из детской, в полном умственном и нравственном несовершенном состоянии; не все даже бояре умели читать. Высшие сословия вообще мало отличались от низших. Учить было некому: иностранцев убегали как иноверцев; все от них исходившее считалось богопротивным. Книг почти не было; а те, которые читались, не могли доставлять ни большой пользы, ни особенного развлечения. Невежество, праздность, пороки по-

* Соловьев. Т. XVI. С. 49.

рождали разбои и убийства, так что в самой столице не было полной безопасности. Богатый и сильный притеснял бедного; помещики угнетали крестьян. Редко кто не был заражен суеверием, верой в порчу, колдовство, в дьявольские наветы, что опять влекло за собой преступления и разные ужасы. Много резких черт для картины тогдашних русских нравов доставляет сочинение жившего в Москве во второй половине XVII века серба Юрия Крижанича *⁶, в котором, как в соплеменнике русских, нельзя предполагать национального предубеждения. Его показания представляют много сходства с тем, что мы находим у иностранцев, описывавших тогдашнюю Россию, напр., у англичанина Перри, которого подозревают в пристрастии. Национальное самолюбие не должно, кажется, мешать нам видеть ее тогдашние нравы в настоящем их свете и выслушивать спокойно их описание. В этом, как и во многом другом, для нас поучителен пример Петра Великого, который, как рассказывают, прогневался на Бужинского ⁷ за то, что им при переводе Пуффендорфа ⁸ было пропущено место, касавшееся русских нравов, и приказал пополнить перевод **. Указывая на экономическую бедность государства, как на естественное следствие его замкнутости вдаль от моря, при умственной неразвитости жителей, Крижанич говорит, что ленивый непромышленный русский человек сам себе не хочет добра сделать, если силою не будет принужден. «Великое наше народное несчастье, — пишет далее Крижанич, — неумеренность во власти; не умеют наши люди ни в чем меры держать... Расплодился в нас премерзкие нравы, так что пред другими народами русские являются обманчивыми, неверными, склонными к воровству, убийству, неучтивыми в беседе. А от чего все это происходит? От того что всякое место наполнено кабаками, заставами, откупщиками, целовальниками, выемщиками, тайными доносчиками; люди отовсюду и везде связаны, ничего не могут свободно делать, трудом рук своих не могут свободно пользоваться. Все должны делать и торговать тайком, в молчанку, со страхом и трепетом, укрываться от такой огромной толпы правителей или палачей... Ни у немцев, ни у остальных славян, нигде на свете, кроме одной русской державы, не видно такого гнусного пьянства: по улицам в грязи валяются

* Русское государство в половине XVII века, рукопись времен царя Алексея Михайловича. Открыл и издал П. Безносков. М., 1859.

** Введение в историю европейскую. СПб., 1723. Глава первая на десять: О России или обще Московии. С. 837. Анекдот этот (*Пекарский*. Т. I. С. 326) рассказан у Штелина (*Stählin*. S. 274).

мужчины и женщины, миряне и духовные, и многие от пьянства умирают» *.

Начертывая, может быть, уже слишком мрачными красками эту картину быта, Крижанич предлагает и программу мер к исправлению его, программу, которая во многом удивительно сходится с последовавшею деятельностью Петра, — убедительнейшее доказательство, что время для преобразований пришло, что между лучшими людьми уже созрела мысль о необходимости изменений. Так, Крижанич в особенности предлагает к учению, к книгам и к вызову иностранцев, но с тем, чтобы они, исполнив свое дело, не оставались в России; советует изъять купечество из-под власти воевод, учредить цехи, заботиться увеличением народонаселения, уменьшением роскоши. «В России полное самодержавие: повелением царским можно все исправить и завести все полезное».

Профессор Соловьев, нашедши в актах свидетельство, что рукопись сочинения Крижанича принадлежала к числу книг, находившихся *на верху*, т. е. в царских палатах, не допускает од-

* Это извлечение помещается здесь в переводе г. Соловьева (Т. XIII. С. 297–298). Вот в подкрепление несколько выписок из самого сочинения Крижанича: «Великая народная лихота наша есть неумеркованно владание. Незнадут наши люди ни в чем меры держать, ни средним путем ходить; но всегда по краинах и по пропастьех блудят» (*Крижанич*. Т. II. С. 179). «Зарад того суть ся заплодили в сем людству премерзки нарovy: тако да ся Русаки от иных народов сценяют быть обманны, неверны, нещадны на крадение и на убойство, не почтены в беседе, не чисты в житии. А откуда то исходит? Оттуд: что всяко место есть полно кабаков и самотержия, и преповедей, и откупников, и целовальников, и выемников, и заставников, и тайных докладников: тако да люди отовсюд и везде есуть звязаны: и ни чесо не могут слободно делать: и труда рук и пота лиц своих не могут слободно ужить. Но все по тайну и молчачь, со страхом и с трепетом и с обманом морают справлять и торговать; и укрываться от тех толиких оправников и выдорников и потворников или паче катов» и проч. (Т. III. С. 296).

«А что есть наимерже: владатели общеявно постают товаруши вором; где приказники вором нарovyт, для ради даров; а гражаны немают области сами казнить воров» (Т. III. С. 302); «...нить у Немцев, нить у Белорусцев, нить остальных Словенцев, нить инде где на свету, окром единые Русские державы, нигде ся не видит тако скаредно пьянство: да беху ся по улицам в блату утоплены валяли мужи и жены, мирски и духовны, и да беху многи от пьянства умирали» (Т. III. С. 300).

О сходстве программы Крижанича с деятельностью Петра см. подробнее в «Истории» Соловьева (Т. XIII. С. 199—204).

нако ж мысли, чтоб этот труд мог иметь какое-нибудь значение в преобразованиях Петра. Для такого предположения нет никаких данных.

Ничто не держится так упорно, не изменяется так медленно, как нравы народные. Станем ли же удивляться, что во все царствование Петра встречаем черты быта, сходные с теми, какие отметил Крижанич? Ими изобилуют современные акты, следственные дела Преображенской канцелярии, указы самого Петра, наконец, сочинения Феофана и крестьянина Посошкова⁹. В своей книге: «О скудости и богатстве» этот изумительный самоучка чрезвычайно сходно с ученым сербом характеризует состояние русского общества: «Не точию у иноземцев свойственных христианству, но и бусурманы суд чинят праведен; а у нас вера — святая, благочестивая и на весь свет славная, а судная расправа никуды не годная, и никакие указы не состоятся, все ни во что обращаются, но всяк по своему обычаю делает. И донележе прямое правосудие у нас в России не устроится и всесовершенно не укоренится, то никакими мерами богатым нам быть, яко и в прочих землях, невозможно, такожде и славы доброй нам не нажить, понеже все пакости и непостоянство в нас чинятся от неправого суда, от нездорового рассуждения, и от нерассмотрительного правления и от разбоев. Крестьяне, оставя свои дома, бегут от неправды. Древних уставов не изменя, самого правосудия насадить и утвердить невозможно. Неправда в правителях вкоренилась и застарела, от мала до велика все стали быть поползновенны — овые ко взяткам, овые же боящиеся сильных лиц. И того ради всякие дела государевы не споры, и сыски неправы, и указы не действительны: ибо все правители дворянского чина знатым норовят, а власть имут и дерзновение только над самими маломочными людьми, а нарочитым дворянам не смеют и лова воспретительного изреци... Видим мы все, как великий наш Монарх трудит себя, да ничего не успеет; потому что пособников по его желанию немного: он на гору аще и сам-десять тянет, да под гору миллионы тянут, то како дело его споро будет? Колико новых статей издано, а немного в них действия, ибо всех их древностная неправда одолевает. И того ради по-старому: кто кого сможет, тот того и забижает» *.

Таким образом нетерпеливый Посошков находит и энергические меры Петра еще недостаточными, требует еще более решительных преобразований. Но такое же нетерпение видно и в

* Сочинения Ивана Посошкова. Изд. М. Погодиным. М., 1842. С. 87—89, 95.

сильных средствах, какие употреблял Петр против вековых недугов своего народа, будучи убежденным, что на первых порах его перевоспитания нельзя обойтись без принуждения и повторяя свою любимую поговорку: «Легче всякое новое дело с Богом начать и окончить, нежели старое, испорченное дело починивать» *. Свой взгляд на неизбежность принудительных мер великий правитель не раз выражал в письменных актах. Так, он писал однажды тульскому воеводе Ивану Данилову: «хотя что добро и надобно, а новое дело, то наши люди без принуждения не сделают» **. В одном из указов Петра (о введении китового промысла) говорится: «Когда в том старом и заобыклом государстве (т. е. в Голландии) принуждение чинится, то кольми паче у нас надобно принуждение в том, яко у новых людей во всем» ***. Особенно же характеристичны слова его в указе об умножении мануфактур в России: «наш народ — яко дети неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят, что ясно из всех нынешних дел: не все ли неволею сделано, и уже за многое благодарение слышится, от чего уже плод произошел» ****. Здесь высказана побудительная причина многих действий Петра: понимая потребности России, чувствуя свое всемирно-историческое призвание, видя в других странах свои идеалы осуществленными, он не хотел предоставлять неверному будущему исполнение того, что считал нужным и полезным, спешил действовать с лихорадочным нетерпением, знал цену времени и требовал, чтобы другие так же, как сам он, дорожили каждой минутой. Мы сейчас видели, что он в примере понудительных распоряжений приводил Голландию. В то время вообще европейские правительства не стеснялись в выборе средств для приведения в действие своих решений, и деспотическое начало было господствующим характером монархии. Сюда же относятся жестокие пытки и казни, в

* *Пекарский*. Ист<ория> Ак<адемии> н<аук>. Т. I. С. XXVIII.

** *Голиков*. Т. VIII. С. 193.

*** П<олное> с<обрание> з<аконов>. Т. VII. № 4348.

**** Там же. № 4345. П. 2. — «Петр иначе не мог смотреть на свой народ как на ребенка, хотя и одаренного разнообразными способностями, но не воспитанного, с великим будущим, но с малым настоящим и прошедшим. Этот взгляд он проводит во всех своих преобразованиях, и целое столетие доказало, до какой степени он был прав» (*Афанасьев*. Государственное хозяйство при Петре Великом // Совр<еменник>. 1847. № IV. С. 79).

которых обвиняют Петра. К сказанному прежде об этом можно прибавить, что строгость его происходила скорее от убеждения в ее необходимости, от понятий века и начал тогдашнего законодательства, нежели от склонности сердца. Уголовные законы в то время везде были более или менее суровы; самым разительным тому примером может служить Римская империя, где в исходе XVIII столетия, при самом человеколюбивом государе, Иосифе II¹⁰, еще были в ходу варварские телесные наказания палками, плетьюми и розгами*. Да и вообще, при суждении о русских нравах в петровское время не надобно забывать, как низок был тогда еще и в Западной Европе уровень общественной нравственности и столь высоко ценимой ныне гуманности. Нет сомнения, что в свойствах незлобивого, смиренного русского народа, особенно сельского люда, было много таких черт, которые бы должны были располагать законодателя к смягчению уголовного кодекса; но дух времени противился тому. Говоря о жестокости наказаний при Петре, надобно согласиться, что в этом отношении он был вполне сыном своего века. Заметим наконец, что оправданием насильственной гибели целых масс народа при построении Петербурга могла служить в глазах Петра великая государственная цель, которую он в этом деле преследовал. Как искусный полководец иногда предпочитает кровопролитное, но решительное сражение продолжительному изнурению войска, так и Петру единовременное пожертвование множеством людей могло казаться дозволенным для окончательного устранения одного из вековых препятствий, которые Россия до тех пор встречала в своем развитии.

В наше время, при наблюдении господствующих недостатков русского общества, невольно возникает у многих мысль, что преобразования Петра имели чисто внешний характер; что, изменив наружный облик и одежду высших классов, он только отдалил их от народа, дал им один поверхностный лоск образования, одно подобие европейской культуры; учреждением чинов создал только внешнюю приманку для честолюбия, сущности же нравов и обычаев не изменил, истинного образования не дал.

Вникнув в эти обвинения, на первый взгляд справедливые, мы увидим, что говорящие так требуют от Петра невозможного: они упускают из виду ограниченность сил человека, еще умаля-

* *Menzel K. A. Neuere Geschichte der Deutschen. XII Band, 1te Abth. Breslau, 1847. P. 456; Задлер К. Опыт исторического оправдания Петра I. СПб., 1861. С. 17.*

емых краткостью его жизни. Если бы Петр жил десятилетиями двумя или хотя одним более, то, конечно, и плоды его деятельности были гораздо значительнее. Но жизнь его пресеклась именно тогда, когда он мог наконец среди мира всецело посвятить себя заботам о внутреннем благоустройстве своей державы. В делах Петра можно смотреть только на его цели и на средства, им употребленные; последствия зависели много от его преемников, от множества внешних обстоятельств и внутренних причин, действовавших в народе и обществе при дальнейшем развитии событий и мер правительства. Не все предначертания Петра исполнялись; нередко делалось совершенно противоположное. Приведу пример, по-видимому, мало важный, но в самом деле не лишенный значения: Петр не любил французов и не оказывал никакого предпочтения французскому языку*; а между тем мы знаем, какое влияние нравы и язык этого народа стали приобретать в русском воспитании и общественной жизни лет через двадцать после смерти Петра, при его дочери, и как это влияние до последнего времени все усиливалось, все более и более отчуждая русских от своего собственного, народного. Петр Великий указал своей стране цель и путь; потомству предлежала задача уметь пользоваться указанием. Дело воспитания всегда начинается заимствованиями, усвоением наружных приемов; лишь мало-помалу образование становится самостоятельнее, далее и глубже пускает корни. Внешние приманки честолюбию могут быть отменены, когда сделаются ненужными; но Петр знал людей, когда устанавливал табель о рангах. Притом она служила к проведению начала, прямо противоположного местничеству, которого остатки еще держались в понятиях о службе; в табели о рангах некоторые иностранные историки видят самое либеральное учреждение, так как она всем, независимо от их происхождения, открыла путь к достижению одною личной заслугой высших служебных успехов**. Не внешние различия в облике и

* «Надобными языками для России почитал он голландской и немецкой, а с французами, говорил он, не имеем мы дела» (*Нартов. Анекд.* 104). О его нерасположении к Франции см. также: *Соловьев. Т. XV. С. 72, 75.* — Разумеется, впрочем, что Петр не безусловно отвергал пользу французского языка: в Голландии в 1703 году «русские робята», по донесению Матвеева, учились по-голландски и по-французски (Там же. С. 61).

** В разборе известного сочинения Кюстина¹¹ о России покойный Лабенский¹², опровергая некоторые упреки Петру Великому и говоря о постепенном распространении образования в народе, употребляет довольно удачное сравнение: видели ли вы, говорит он, как иногда

одежде отдалили высшие классы от народа: взаимное отчуждение произошло от других, более глубоких причин, и главною из них было крепостное состояние, к облегчению которого Преобразователь уже придумывал меры*.

В какой бы сфере деятельности мы ни стали наблюдать Петра, везде он нам явится ищущим истинной, существенной пользы; собственный его быт, привычки, вся его личность лучше всего могут удостоверить нас, что он во всем постоянно и серьезно стрелился не к поверхностно-блестящему, а к действительно-важному. Особенно видно это в той области народной жизни, на

вино, налитое в стакан воды, сначала держится на ее поверхности и только легкими струйками спускается вниз; но мало-помалу оно более и более проникает собою воду и наконец всю ее окрашивает своим цветом (Ein Wort über Marquis von Custine's Russland im Jahre 1839. Aus dem Franz. Berlin, 1844. S. 27. Подлинного разбора не удалось мне видеть). Относительно табели о рангах см., напр<имер>, мнение Шлоссере (Ист<ория> XVIII ст. Т. I. С. 169).

- * В январе 1719 г. издан наказ воеводам, в котором между прочим говорится: «Понеже есть непотребные люди, которые своим деревням сами безпутные разорители суть, что ради пьянства или инаго какогo непостояннаго жития вотчины свои не токмо не улучшают, но разоряют, налагая на крестьян всякия несносные тягости, бьют их, мучат, отчего крестьяне, покинув тягла свои, бегают, и происходит отсюда пустота, а в государевых податях умножается доимка, того ради воеводе и земским комиссарам смотреть накрепко и до такого разорения не допускать» и т. д. (П<олное> с<обрание> з<аконов>. Т. V. № 3294. П. 31). В апреле 1721 г. был издан именной указ: «Обычай был в России, который и ныне есть, что крестьян и деловых и дворовых людей мелкое шляхство продает врознь, кто похочет купить, как скотов, чего во всем свете не водится, а наипаче от семей, от отца или от матери дочь или сына помещик продает, отчего не малый вопль бывает: и его царское величество указал оную продажу людям пресечь, а ежели невозможно того будет вовсе пресечь, то б хотя по нужде и продавали целыми фамилиями или семьями, а не порознь» (Там же. № 3770).

К числу мер Петра Великого, имевших целью облегчение участи крепостных, относилось и учреждение в 1714 году майората, «хотя, замечает г. Соловьев, по хозяйственным условиям цель не могла быть здесь достигнута» (Т. XVI. С. 225). В указе о майорате изложены следующие причины этого нововведения: 1) бoльшая исправность в платеже податей и улучшение быта крестьян; 2) фамилии не будут упадать, но в своей ясности непоколебимы через славные и великие дома, и 3) прочие сыновья не будут праздны, ибо принуждены будут хлеба искать службою, учением, торгами и прочим (Там же. С. 199). Ср.: П<олное> с<обрание> з<аконов>. Т. V. № 2789.

которую в последние годы царствования Петра преимущественно было обращено его внимание. Я разумею народную нравственность. Понимая, что она зиждется на религиозном образовании, на понятиях и верованиях народа, он посвятил все свои усилия, всю свою энергию этим основам духовного развития, опираясь в том на своего просвещеннейшего сотрудника, Феофана Прокоповича.

Памятником их совокупных усилий в этом деле является знаменитый «Духовный Регламент», составленный Феофаном по мыслям Петра, труд, достойный изучения в самом отдаленном потомстве, показывающий, как высоко над своим веком стояли и Государь, и святитель по своим понятиям. Известно, что это узаконение издано по поводу учреждения Синода*. Поэтому в книге прежде всего подробно объясняется значение этой меры. Главною причиною откровенно представлена опасность двудержавия при патриаршестве: простой народ не понимает различия между высшей духовной и светской властью, и, поражаясь великой честью верховного пастыря, считает его равносильным монарху или даже ставит выше; таким заблуждением могут воспользоваться властолюбивые духовные или другие коварные люди в случае столкновения между обеими властями. А что будет, если и сам пастырь захочет обратить себе в пользу такое мнение о своем сане? **

Все остальное содержание Регламента направлено к искоренению суеверий, ложных понятий и вредных обычаев, к образованию народа учением, проповедью, возбуждением к труду и добрым примером. После объяснения цели учреждения Синода рассматриваются дела, ему подлежащие, и именно сперва дела общие всем, как духовным, так и мирянам, как высокопоставленным лицам, так и простолюдинам. Здесь указываются разного рода заблуждения, напр<имер> ложно-вымышленные истории о святых, либо противные православному учению, либо бездельные, смеха достойные повести, которым простой народ, однако же, верит, когда он «не может между десным и шуим рассуждать, но что-либо видит в книге написанное, того крепко и упрямо держится» ***. Тут затронуты также нелепые поверья и обы-

* В руках моих был экземпляр издания «Духовного Регламента», напечатанного гражданской печатью «в Санкт-Петербургской типографии» 1721, сентября 16 (в лист).

** Д<уховный> Р<егламент>. С. 4.

*** Там же. С. 7.

чай, напр., празднование каждой пятницы или предание Киево-Печерского монастыря, что погребенный там человек, хотя бы он и без покаяния умер, непременно будет спасен.

Далее рассуждается об обязанностях духовенства поучать народ словом Божиим. В Регламенте рассеяны многие черты, показывающие низкую степень образования тогдашних духовных. Они по грубости нравов мало отличались от народа: публично предавались пьянству, являясь нетрезвыми даже в храмах, участвовали в кулачных боях и проч. * Не всякий даже епископ был в состоянии сочинить слово, которое обязан был произносить во время объезда епархии, и потому на такие случаи предписывалось приготовить слово в Синоде для прочтения епископом в посещаемых им церквях **. Но в «Регламенте» выражена надежда, что «в России, помощью Божиею, скоро и от духовного чина грубость отпадет» ***. Так как, при многочисленности православного люда, недостает священников, которые бы могли наизусть проповедовать «догматы и законы Священного Писания», то признано необходимым издать небольшие общепонятные книжки. Они должны содержать все нужное к народному наставлению и по частям читаться в церкви. Их нужно три: 1-я, о главнейших спасительных догматах веры и заповедях; 2-я, об особенных всякого сословия обязанностях; 3-я будет состоять из собрания проповедей. Книжки были и прежде, говорится в «Духовном Регламенте», но они писаны на еллинском языке, а славянский перевод их стал темен, и его с трудом разумеют даже люди обученные, а «простым невежам он и вовсе непостижим». Поэтому новые книжки будут написаны просторечием ****. Мысль эта была отчасти уже исполнена перед появлением Регламента: в 1720 году Феофан напечатал букварь с молитвенником под заглавием: «Первое учение отрокам», которое и было потом употребляемо при преподавании грамоты не только духовным, но и мирянам. Остальные книжки не были изданы при

* Д<уховный> Р<егламент>. Приб. 6. П. 26. — В этом отношении свидетельство Регламента согласно с вышеупомянутым отзывом Пуффендорфа (см. здесь прим. 46), в котором, между прочим, говорится: «Самые священники (в России) толико суть грубы и всякого учения не причастны, яко токмо прочитывать едину и вторую Божественнаго писания главу или толкование евангельское умеют, больше же ничтоже знают».

** Там же. С. 19.

*** Там же. С. 5.

**** Там же. С. 9; С. 20. П. 8.

Петре. За год до своей смерти он собственноручной запиской напоминал Синоду о необходимости сделать, т. е. издать, «краткие поучения людям», между прочим, и катехизис*.

Епископам Духовный Регламент вменяет в обязанность иметь при архиерейских домах школы для священнических детей, и только обученные в этих школах могут быть допускаемы к священству; за поставление же в священники и в монахи необученного епископ подвергается наказанию**. При правилах о новых училищах помещена любопытная апология учения, где, между прочим, отрицается, чтобы от него могли происходить ереси: когда врач опойт отравою, нельзя винить в том врачебную науку; а когда «ученый солдат хитро и сильно разбивает, того виновно есть учение воинское». В доказательство пользы образования приводятся примеры из истории. Учение доброе и основательное названо корнем и семенем и основанием всякой пользы как отечества, так и церкви. Дурное, мечтательное учение порождает только высокомерие: вкусившие его бывают глупее неученых, считают себя всезнающими, не хотят более ни читать книг, ни учиться, тогда как, напротив, «прямым учением просвещенный человек никогда сытости не имеет в познании своем, но не перестает никогда же учиться, хотя бы он и Мафусаилов век пережил». К характеристике «неосновательных мудрецов» прибавлены еще следующие черты: они подобострастны перед властями, ненавидят равных, завидуют истинно образованным, которых при всяком случае готовы обнести, склонны к возмущению и проч.***

Кроме училищ при архиерейских домах, предположено учредить духовную академию, в которой могут учиться и дети мирян, а при Академии — семинарию. После подробного изложения правил об обучении и испытаниях в этих заведениях следуют правила о проповеди, касающиеся не только самой сущности дела, но также наружных приемов на кафедре и поведения проповедника вне церкви: ему предписывается простота, смиренномудрие, запрещается мстить противникам своими резкими выходками и намеками в проповедях, хвалиться в обществе своими успехами и т. п.****

В начертании обязанностей духовных начальников особенного внимания заслуживает наставление о правильном вспоможе-

* Пекарский. Т. I. С. 178.

** Д<уховный> Р<егламент>. С. 13. Приб. 1.

*** Там же. С. 22—24.

**** Там же. С. 33—34.

нии нищим: «Многие бездельники при совершенном здравии за леность свою пускаются на прошение милостыни и по миру ходят бесстыдно и иные же в богадельни вселяются посулами у старость, что есть богопротивное и всему отечеству вредное: от сего скудость и дорог бывает хлеб». Законодатель напоминает, сколько тысяч в России таких тунеядцев, которые нахальством и лукавым смирением чужие труды поедают, получая подавание в ущерб истинно нуждающимся. Яркими красками описывается вред, наносимый обществу этими порочными людьми, из которых многие делаются разбойниками, зажигателями, возмутителями, другие искажают своих младенцев, чтобы обмануть милосердие *. Против подобных нищих-бродяг Петр еще в начале столетия (1705) издал строгий закон, повелевающий ловить их, отбирать деньги, а самих приводить в Монастырский приказ для наказания, равно как и тех, которые будут подавать им милостыню: кто хочет помогать нищим, пусть дает в богадельни **. Теперь Синоду вменено в обязанность озаботиться о средствах к искоренению этого зла.

К Духовному Регламенту присоединено изданное несколько позднее *прибавление* о духовенстве и монашестве. Здесь частью развиты подробнее прежние правила, частью включены новые. Так, напр., предписано испытывать ставленников и не определять тех из них, которые окажутся ханжами, лицемерами или суеверами, рассказывающими сны и видения. Чтобы священник знал, как в разных случаях исполнять свои обязанности, должны быть написаны на каждый случай особые статьи, которые бы он мог говорить наизусть или по книжке читать больному, умирающему, ведомому на казнь и проч. Такие наставления признаны нужными, «покамест подаст Бог увидеть в России совершенное учение» ***. В то же время запрещено приглашать священников на дом для службы, и всякое вымогательство, с их стороны, высокой платы за требы объявлено противозаконным ****.

Особенно важны приложенные к Регламенту постановления о монашестве. Давно уже Петр Великий старался ограничить как число монастырей и монахов, так и вкравшиеся в монастырскую

* Там же. С. 42—43.

** Еще ранее, в 1691 г. (П<олное> с<обрание> з<аконов>. Т. III. № 1424) был издан закон против нищих обманщиков.

*** Д<уховный> Р<егламент>. Приб. 2.

**** Там же. С. 43. П. 13. Приб.; С. 4. П. 19. — Подобные вымогательства нередко встречаются еще и в наше время (см.: С<анкт->П<етер->б<ургские> вед<омости>. 1872. № 95).

жизнь злоупотребления, предмет общих жалоб. Преобразования в этом смысле начались с учреждения монастырского приказа в 1701 году. Вскоре запрещено было постригать кого бы ни было без царского указа; для лучшего исполнения иноческого обета отобраны у монашествующих вотчины и угодья; взамен того каждому монаху назначено вознаграждение частью деньгами, частью в натуре*. С изданием Духовного Регламента определен возраст, ранее которого нельзя постригаться: для мужчин — 30 лет, для женщин — 50; служащие, военные люди вовсе не допускаются к монашескому житию и т. д. Всякому пострижению должен предшествовать трехлетний иску́с или послушничество. Настоятели не должны позволять монахам оставаться праздными, но всегда занимают их каким-нибудь делом. При этом замечено, что хорошо бы завести в монастырях ремесла, напр., столярное и иконописное. По всем обителям определено учить иноков чтению и объяснять им Священное Писание; вообще установлены правила для честного монашеского жития**. Впоследствии предписано, чтоб число вновь принимаемых не превышало числа выбывающих и чтоб отставные солдаты в этом случае были предпочитаемы всякому другому.

Заботы об очищении религиозных понятий и о преобразовании монастырей занимали Петра и после издания Духовного Регламента, в остальные годы его жизни, особенно после возвращения из персидского похода. В народе было распространено лицемерие и ханжество. Петр давно намеревался издать обличительную книгу против ханжей, и, наконец, сам составил для такого сочинения программу, в которой, указав порознь грехи против каждой заповеди, вывел заключение, что всеми ими вместе осуждается и лицемерие, хотя оно ни в одной из них не названо по имени: «сей грех все вышеописанные в себе содержит», говорит Петр и развивает эту мысль в применении к каждой заповеди. По этой программе Феофан написал задуманную государем книгу о блаженствах, которая и была напечатана***. Замечательно, что ненависть к ханжам проявилась уже в шестнадцатилетнем Петре: видя при дворе своей невестки, царицы Прасковьи Федоровны, юродивых и пустосвятов, которым оказывали уважение как святым и пророкам, молодой царь назвал этот двор госпиталем уродов и лицемеров. Во всю жизнь он любил разоблачать обманы, подлоги и ложные чудеса, которым корысто-

* Соловьев. Т. XV. С. 121.

** Д<уховный> Р<егламент>. Приб. С. 11.

*** Чистович. Феоф<ан> Проп<оведник>. С. 125.

любивые святоши старались выманывать деньги у легковерных*.

К монашеству Петр относился все более и более неблагоприятно: в особой записке, рассмотрев происхождение его и значение, он заметил, что монахи большею частию тунеядцы и корень всему злу праздность. «Прилежат ли же разумению Божественного писания и учения? Всячески нет. А что говорят: молятся, то и все молятся, и сию отговорку отвергает Василий святой¹³. Что же прибыль обществу от сего? Воистину токмо старая пословица: ни Богу, ни людям, понеже большая часть бегут от податей и от лености, дабы даром хлеб есть»**. Поэтому монастырям поставлялась на будущее двоякая общепользная цель: исполнять человеколюбивые обязанности и замещать из среды братии церковные должности. Ровно за год до своей кончины Петр подписал указ, составленный им по этой мысли при участии Феофана: тут монастырям дается, между прочим, назначение пристанищ для подкидышаемых младенцев, для престарелых, больных и увечных; наконец, в монастырях же должны быть учреждаемы школы***. Вскоре приняты были и меры к исполнению этих предположений; но смерть Монарха расстроила дело в самом начале, и «все оное, по словам историка Татищева, в забвении осталось»****.

Я позволил себе остановиться особенно на Духовном Регламенте и последующем развитии выраженных в нем идей, чтобы показать, какое глубокое значение имела просветительная деятельность Петра Великого. Таково же было все его обширное и многосложное законодательство; везде он преследовал высшую цель — пробудить и направить духовные силы своего народа, заставить его учиться и работать, распространить здравые понятия и вызвать самодеятельность, словом, сообщить народу ту же предприимчивость, то же стремление к лучшему, какими был оживлен великий Вождь его. Можно было бы доказать это подробным разбором законов и учреждений Петра Великого, перечислением множества основанных или задуманных им училищ***** и проч. Но все это трудно было бы совместить в одном

* Голиков. Т. XV. Ан. 22—27.

** Соловьев. Т. XVIII. С. 204.

*** Чистович. С. 142, 574.

**** Росс<ийская> ист<орическая> кн<ига>. Т. I. Ч. 2. С. 575.

***** От школы Петр требовал преимущественно практического направления, и потому не мог быть доволен московскою академией. Он хотел школы, откуда бы «во всякие поребы люди происходили, в цер-

чтении, и я спешу перейти к краткому очерку той деятельности Петра, которая прямо относилась к задаче распространения знаний путем литературы.

Понятно, что в обществе, где грамотность была еще только достоянием немногих, книжное дело не могло получить большого развития и значения. Но тут на помощь Преобразователю является другое орудие — устное слово. Составитель Духовного Регламента архиепископ Феофан был и вообще ближайшим сотрудником Петра в деле народного просвещения, посредником между ним и народом в объяснении и оправдании преобразовательных идей и начинаний Государя. Не будучи председателем Синода, занимая в нем второстепенное место члена, Феофан во всех преобразованиях Петра является однако же возле первоначальника их, могучим словом пролагает им путь в жизнь и дело.

Нельзя не подивиться прозорливости, с какою Петр еще до Полтавской победы умел угадать и приблизить к себе этого родственного ему по гению и характеру, по любознательности и всем стремлениям человека, первого по учености в тогдашней России и одного из первых в целой Европе. Воспитанный в Риме, но вооруженный всеми средствами науки, таланта и душевной энергии против козней папизма, заклятый враг иезуитов, Феофан начал свое поприще профессорскою кафедрой в Киевской духовной академии и уже тут, новым духом преподавания, враждебным схоластике, показал себя передовым деятелем в науке *. Вполне подготовленный таким образом к пониманию великих замыслов своего Государя, Феофан всем сердцем предался ему и стал поверенным его задушевных дум, восторженным ценителем его дел, рьяным противником невежества и застоя. Его проповеди и еще выше их стоящие похвальные слова его часто исполнены иронии и принимают характер сатиры на современные нравы; выставляя на позор предрассудки и суеверия, отличаясь по таланту автора от прежних произведений это-

ковную службу и гражданскую, воинствовать, знать строение и воинское врачевское искусство» (Соловьев, XV, 99).

На пьянство Петр смотрел как на обстоятельство, увеличивающее степень преступления, сделанного в этом состоянии, и виновный подвергался большему наказанию (П<олное> с<обрание> з<аконов>. Т. VI. № 3485; Морск<ой> Устав. 1720, Генв. 13. Кн. V. Гл. II, п. 31). Штелин приводит отзыв Государя об одном провинившемся: «Он тем более заслужил двойное наказание, что умышленно привел себя в состояние опьянения, лишаящее рассудка» (Stählin, 156).

* Пекарский. Разбор сочинения г. Чистовича «Феофан Пр<опо-ведник>». С. 7.

го рода, они становятся на почву живой действительности и руководят мнением толпы. По праведливому замечанию г. Самарина¹⁴, проповеди Феофана напоминают писателей первых времен реформации, которые также боролись с невежеством и в чувстве своей силы предвидели успех борьбы*. Вот, напр<имер>, как Феофан характеризует некоторых из своих собратьев: «До того пришло, и в те мы времена родились, когда слепые слепых водят, самые грубейшие невежды богословствуют и догматы смеха достойные пишут, учения бесовские предают, и в предании бабьим басням скоро веруется, прямое же и основательное учение не только не получает веры, но и гнев, вражду, угрозы вместо возмездия приемлет». Оправдывая введение летоисчисления с 1 января, он осмеивает раскольников, которые для охудения этой новизны прибегают, по его словам, и к физике, и к грамматике, и к географии, и к арифметике, и к архитектуре, и к музыке, и к мануфактуре, и к хиромантии. «Что же? — спрашивает он, — чудо было бы, если б они оставили хронологию: не оставили, ибо перенесенное от сентемвриа на генварь новолетие, которое установил державнейший Монарх наш лучшего ради сословия с народами европейскими в контрактах и трактатах, також и для порядку чинов государства своего, наипаче же для исчисления лет от пришествия в мир Сына Божия, ставят в великую ересь пономари апостати, и погублением лет Божиих нарицают». В другой раз Феофан превозносит пользу путешествий, доказывая ее примером самого Государя. В слове на мир со Швециею, рассуждая о благотворных последствиях, каких можно ожидать о прекращении войны, оратор ловко касается важнейших общественных недугов. Надежды, по его мнению, могут осуществиться только при следующих условиях: если не будет расхищения государственных интересов, если не будет в судах тлетворного пристрастия и злодейственных взяток, если переведется многое множество тунеядцев, искоренятся татьбы и разбои, и искусство экономическое заведется; если, отложив высокое об нас мнение, гнушаться начнем грубости и невежества, и детям нашим (ревнуя прочим честным народам) лучшего во всем исправления пожелаем**. В сатирических выходках Феофана можно иногда отыскать личные намеки, и это встречается у него не в одних речах, но и в других сочинениях,

* Самарин Ю. Стефан Яворский и Феофан Прокоп<ович>. М., 1844. С. 154.

** Феофан Пр<оповедник>. Слова и речи. Ч. I. С. 205; Ч. II. С. 67, 96, 115.

даже в Духовном Регламенте, где, напр<имер>, в изображении нестройных движений оратора на кафедре современники узнали приемы Стефана Яворского *¹⁵.

Сочинения Феофана служат важным литературным памятником петровского времени, можно бы сказать, важнейшим, если б не было еще более драгоценного: это — произведения пера самого Государя: его указы и прочие законодательные труды, его исторические заметки и записки, наставления и, наконец, письма — все это замечательно не только в политическом, но и в других отношениях. Известно, что большая часть государственных актов его царствования писаны им самим или под непосредственным его руководством. Изучение Петра с этой стороны представляет почти нетронутую еще задачу будущих его историков. Вместе с тем этот великий монарх, ко всему прилагавший собственный труд, принимает непосредственное участие в возникающем книжном и типографском деле. При всех своих бесчисленных реформах, при военных действиях, занявших почти половину его жизни, он умел находить время и для неусыпных забот об издании книг. Мы видим его непрерывно деятельным для этой цели: он выбирает книги для переводов, исправляет их слог, направляет развитие письменного языка; он же заводит типографии, улучшает шрифты, наконец, устанавливает новую гражданскую печать.

Таким образом, Петр Великий положил начало русской светской литературе. Конечно, изданные при нем книги по большей части не представляют ни научного достоинства, ни живого интереса: это элементарные руководства, написанные тяжелым, неправильным языком, без всякого оттенка изящного; они, собственно, не составляют даже литературы как выразительницы современного общества; если при Петре какой-либо отдел сочинений заслуживает этого названия, то разве только отдел правительственной литературы, также произведения Феофана и некоторых других духовных. Тогдашние светские книги наши не более как лепет начинающего говорить младенца. Но и эти слабые попытки науки были нужны как первая ее ступень, как семя для будущего питательного или роскошного плода.

Полная картина этой зарождающейся светской литературы представлена нашим уважаемым сочленом П. П. Пекарским ¹⁶ в обширном исследовании «Наука и литература при Петре Великом». В этой картине самым живым лицом, душою всего дела является сам Петр, не только как двигатель, но и как творец на-

* Пекарский. Т. I. С. 495.

шей первоначальной книжной литературы, проложивший своими заботами путь славнейшему ее деятелю, Ломоносову, и всем за ним последовавшим.

Любопытно, что старания Петра о переводах начались почти с детства его. Сохранился в рукописи перевод об артиллерийском и фейерверочном искусстве, с означением на нем 1685 года (т. е. когда Петру было всего 13 лет) и с отметкою, что перевод сделан по повелению царя Петра Алексеевича*.

Характером всей деятельности Петра объясняется тот знаменательный факт, что колыбелью русской светской литературы и гражданской печати сделалась не Москва, а Западная Европа. В Голландии не только печатались, но и переводились наши новые книги научного содержания. Первым исполнителем планов Петра в этом отношении был живший там уроженец нынешней Западной России Копьевич. В Амстердаме книги его некоторое время печатались славянскими буквами; там же был отлит в первые годы XVIII столетия и новый гражданский шрифт, которым в 1708 г. стали печатать в Москве. Известно, что о происхождении этого шрифта нет положительных сведений: мы не знаем в точности ни времени, ни обстоятельств его изобретения. Пробегая книги, напечатанные в Голландии по-славянски, и встречая в них иногда, особенно в заглавиях и в курсивах, слова и целые строки, отличающиеся округлостью и напоминающие нынешнюю печать, — невольно приходишь к догадке, что мысль о гражданской азбуке развилась в Петре постепенно при просмотре этих книг, так что наконец он составил или повелел составить целый русский алфавит по образцу тех букв, которые своею простотою, своим сходством с латинским шрифтом особенно ему нравились**.

Для перевода книг употребляемы были Петром частью духовные, в среде которых до его времени сосредотачивалась вся книжная образованность, частью светские лица. Духовных переводчиков находил он то в Московской славяно-греко-латинской академии, как, напр<имер>, ректора ее Лопатинского¹⁷, то в монастырях, то в Киевской академии, которой давались пору-

* Пекарский. Т. I. С. 220.

** Внимание, с каким Петр в первые годы печатания книг гражданским шрифтом следил за всеми подробностями этого дела, может служить к подтверждению предания, что гражданская азбука изобретена им самим (См. письма к нему Мусина-Пушкина. Т. II. С. 646 и т. д.).

чения при посредстве киевского губернатора, князя Д. М. Голицына. К тому же разряду переводчиков принадлежат греки, братья Лихуды¹⁸, когда они были в Новгороде при школе Иова¹⁹, и другие лица, занимавшиеся там под надзором этого митрополита. По учреждении Синода Петр стал возлагать на это духовное собрание перевод некоторых книг, предоставляя ему выбор способных к этому делу людей. Так, из Синода было поручено Бужинскому перевести «внятно и хорошим штилем» сочинение Пуффендорфа о должности человека и гражданина, а типографскому справщику Ал. Барсову²⁰ — сочинение Аполлодора²¹ о языческой религии; книга о сельском и полевом хозяйстве немцев была переведена двумя синоидальными переводчиками Розенблуттом²² и Козловским²³. Кроме них, переводчиками из *мирян* при Петре Великом были: 1) иностранцы, давно служившие в России, как Виниус, который переводил: Устав судебных воинских законов, механику, фортификацию, артиллерию и голландский лексикон; 2) справщик, а после директор московской типографии Поликарпов²⁴; 3) лица, находившиеся на службе при Посольском приказе, как, напр<имер>, братья Шафировы²⁵; 4) шведы, попавшие в плен, из числа которых один известный переводчик, Шиллинг, служил также при Посольском приказе; и, наконец, 5) русские, находившиеся за границую по повелению Царя или получившие там воспитание и потом служившие переводчиками в том же Приказе, а позднее в Коллегии иностранных дел, как, напр<имер>, князь Долгорукий, Петр Андр. Толстой и Иван Зотов*.

В заботах Петра Великого о переводе иностранных книг на русский язык особенно замечательно его старание привлечь к тому западных славян, от которых он ожидал в этом деле значительного облегчения по их превосходству над нами в образовании и по родству их языков с русским**. Это было, впрочем, только дальнейшим развитием мысли, уже давно заставлявшей Москву искать в своих умственных нуждах помощи в Малороссии и Киеве; разница состояла в том, что до Петра позволяли себе приглашать только единоверцев; он же не обращал внимания на религию полезных ему людей. Сначала Петр избирает таким образом для перевода и печатания русских книг белорусса или поляка, по исповеданию реформата, Копьевича. Потом он обращается для переводов к западным славянам, впрочем, надобно заметить, не по какому-либо племенному пристрастию, а с

* Пекарский. Т. I. Гл. IX.

** Там же.

чисто утилитарною целью, так же точно, как он в других случаях обращался к голландцам, немцам или шведам. В отношении к южным или придунайским славянам Петр имел другие основания сочувствия — именно единоверие и политику. Во время первой турецкой войны посланный на конгресс Возницын²⁶ писал Государю: «Если б дойти до Дуная, не только тысячи, — тьмы нашего народа, нашего языка, нашей веры, и все мира не желают». В 1710 году Петр отправил сербского полковника Милорадовича²⁷ для подъятия против Порты черногорцев, с грамотою, в которой обещал им награды и привилегии за службу: «ибо мы себе иной славы не желаем, токмо да возможем тамошние христианские народы от тиранства поганого освободить, православные церкви тамо украсить и животворный крест возвысить»*.

Представителем приверженности южных славян к России при Петре Великом является «иллирийский шляхтич» Савва Рагузинский²⁸, который сначала тайно помогал в Константинополе нашему послу Толстому, а позднее действовал заодно с нами вооруженною рукою в Польше и в Молдавии. Переселившись в Россию, он за верную службу получил торговые привилегии, но занимался в то же время литературою и, между прочим, перевел на русский язык известное сочинение Орбини «Il regno degli Slavi» («Царство славян») под заглавием «Книга историография». Перевод этот напечатан в 1722 году**. Мы не знаем, был ли он предпринят по вызову Петра, но имеем положительное сведение о поручении переводов западным славянам.

Переводчики приискивались в Праге: Петр писал в Вену своему поверенному в делах Аврааму Веселовскому о найме приказных «невысоких чинов» из бемцев, шленцев или моравцев (т. е. чехов, лужичан, моравов), «которые знают по-славянски», велел отыскать универсальные лексиконы и книгу юриспруденцию, потом съездить в Прагу и там в иезуитских школах условиться с учителями о переводе как этих, так и других книг: «и понеже, — писал Государь, — некоторые речи их несходны с нашим словенским языком, и для того можем к ним прислать русских несколько человек, которые знают по-латыни и лучше могут несходные речи на нашем языке изъяснить». Вследствие того и были посланы в Прагу два ученика славяно-латинских школ (Московской духовной академии) и монах Спасского монастыря Феофил Кролик²⁹, к которым позднее велено присоеди-

* Соловьев. Т. XIV. С. 329; Т. XVI. С. 79.

** Пекарский. Т. I. Гл. IX.

нить еще одного или двух переводчиков из Москвы или из *киевских чернецов*. После оказалось, как писал Веселовский, что предварительно переводить на чешский язык излишне, так как из русских переводчиков один (Кролик) настолько применился к немецкому, что сам с него переводит без всякой трудности, а другой с чешского переводить и всего разуместь не может. «Итак, прибавлено в донесении, за чешский язык деньги платятся токмо напрасно, ибо мочно то чинить в российском государстве без многого иждивения» *.

Чехами же Петр думал воспользоваться для улучшения русского театра. В 1720 году Ягужинскому, бывшему в Вене, дано было поручение пригласить в Петербург несколько актеров из Праги. Встретилось однако ж затруднение приискать достаточное число искусных в театральном деле чехов, а те немногие, которые соглашались ехать, запросили слишком высокую цену. Чем кончились эти переговоры, неизвестно **. Наконец, здесь же следует упомянуть и о видах Петра на славян в отношении к ученому образованию русских. В проекте учреждения академии наук предполагалось, чтобы каждый из приглашенных в академики привез с собой одного или двух помощников, которые бы занимались под его руководством или готовились в преподаватели академической гимназии. Против этого места Петр приписал: «Надлежит по два человека еще прибавить, которые из славянского народа, дабы могли удобнее русских учить, а каких наук, написать именно» ***.

Как сильно заботы о книжном деле занимали Петра, видно из того, что они нигде не покидали его ****: даже во время походов, находясь в Польше, в Ливонии, в Астрахани, он не переставал думать об этом и посылал оттуда свои приказания и наставления переводчикам. Не раз он и в часы увеселений заводил речь о любимом предмете. Так, в 1718 году управлявший Монастырским приказом Мусин-Пушкин писал к Поликарпову, что был спрошен Государем на свадьбе у князя П. Голицына, «отчего по сию пору не переведена книга Виргилия “Урбина” о начале всяких изобретений, — книга небольшая, а так мешкаете». Иногда по-

* Там же.

** Там же.

*** *Куник*. Сборник материалов для истории Академии наук. Т. I. С. X.

**** В памятных заметках Петра встречается много следов его заботливости о сочинении и переводе книг (см., напр.: *Голиков*. Т. XI. С. 455—456, 493).

добные требования Петра сопровождалась угрозами. Однажды, повторяя многократное напоминание такого рода, Мусин-Пушкин писал Поликарпову: «Ныне великий Государь приказал, ежели не переведут книг, лексикона и прочих, до того времени жалованья не выдавать, пока не переведут».

При этом все отрасли знаний, как теоретических, так и практических, попеременно составляли предмет заботливости Петра; между прочим, он обратил внимание на историю и географию России. Было уже упомянуто, что к русской истории он пристрастился еще в детстве. Киевский Синописис, единственный до него изданный сборник разных сказаний о прошлом России, не мог удовлетворять Царя, и в 1708 году Поликарпов получил чрез Мусина-Пушкина приказание (оставшееся, впрочем, без исполнения) составить русскую историю от начала царствования Василия Ивановича до настоящего времени. Замечательно наставление Мусина-Пушкина Поликарпову, что «его царское величество желает ведать» собственно русскую историю, «а не о начале света и других государствах, понеже о сем много писано. И того ради надобно тебе из русских летописцев выбирать и в согласие приводить прилежно. О сем имей старание, да имаша получить немалую милость; от гнева же да сохранит тебя Боже!». В последнее пятилетие царствования Петра сделаны были им два важные распоряжения о собирании по всему государству, по монастырям и соборам всех епархий, рукописных источников русской истории, — летописей, хронографов, грамот, писем и т. п. По указу 1720 г., такие документы должны были присылаться в Сенат, а вследствие указа 1722 г. для той же цели отправлены были от Синода нарочные. Распоряжения эти не привели, однако же, к значительным результатам.

На издание географических карт и описание разных местностей России Петр обратил внимание еще после первого своего путешествия, к чему способствовало, конечно, знакомство его с голландцем Витсеном, любителем и знатоком географии. Еще более развилась в Петре эта заботливость после посещения, во второе путешествие, Парижа, когда он сблизился с тамошними учеными и был избран в члены французской Академии наук. С первых годов XVIII столетия чаще и чаще даются им поручения исследовать на местах, снимать на карты и описывать разные более или менее отдаленные края России. Скоро возникла у него мысль об изготовлении генеральной карты всего государства, и для этого адмиралу Апраксину, заведовавшему Морской академией, велено было приготовить несколько учеников, с тем чтобы в каждую провинцию послать по два человека, которые бы из

снятых ими местных карт могли после составить генеральную карту России. В конце 1720 года действительно последовало распоряжение об отправке этих учеников, и по смерти Петра издан был Кириловым³⁰ (1726—1734) составившийся из их трудов первый русский атлас*.

Вот несколько фактов из той сферы деятельности Петра, которая, как ни мало она заметна в блеске его государственных дел, занимает почетное место в ряду всего им совершенного. Но этот краткий очерк ее был бы слишком неполон, если б мы не прибавили к нему хотя немногих образчиков литературных взглядов Петра. Заметим, что хотя все им самим писанное довольно сильно отзывается церковнославянским элементом с примесью полонизмов и особенно западно-европейских слов, однако ж, с другой стороны, язык его богат народными идиотизмами, присловьями и поговорками. В письмах своих он, кроме того, любит шутку, юмор, игру слов, картинность выражений. Поэтому не удивительно, что Петр уже чувствовал необходимость заменять, по крайней мере в книгах, назначенных для практической пользы, славянский язык просторечием. Эта мысль не раз выражается в наставлениях, которые от имени Государя давались переводчикам. Так, Мусин-Пушкин, возвращая Поликарпову переведенную им географию, писал ему, что она «переведена гораздо плохо», и прибавлял: «того ради исправь хорошенько не высокими словами словенскими, но простым русским языком, також и лексиконы. Со всем усердием явися и высоких слов словенских класть не надобеть, но посольского приказа употреби слова»**. Так же точно и верный исполнитель мыслей Петра Феофан, в предисловии к упомянутому выше букварю, жаловался, что до тех пор дети лишались надлежащего воспитания от того, что в России книжки для первоначального обучения закону Божию были написаны славянским высоким диалектом, а не просторечием.

В то же время Петр настойчиво требовал ясности, сжатости и простоты изложения: он был враг всякого многословия и запу-

* Пекарский. Т. I. Гл. IX, XI—XII.

** Соловьев. Т. XVI. С. 317—318. — Согласно с этими наставлениями, и сам Поликарпов, в предисловии к одному из своих переводов в 1718 году пишет: «Географию преводих сию не на самый славенский высокий диалект против авторова сочинения и хранения правил грамматических; но множае гражданского посредственного употребляя наречия, охраняя сенс и речи самого оригинала иноязычного» (*Бычков А. Каталог хранящихся в Императорской публичной библиотеке изданиям, напечатанным гражд^{анским} шрифтом при Петре Великом. С. 161*).

танности в мыслях. «Надлежит, — говорил он своему секретарю Макарову, — законы и указы писать ясно, дабы их не перетолковывали» *. В переводах Петр дорожил точною передачею смысла без рабского воспроизведения выражений. Осуждая темноту некоторых мест в представленном ему рукописном переводе книги об укреплении городов, он писал переводчику, сыну своего бывшего воспитателя, Ивану Зотову (1709): «Надлежит вам остерегаться в том, дабы внятнее перевести, а особливо те места, которые учат, как делать, и не надлежит речь от речи хранить в переводе, но точию сии выразумев, на свой язык уже так писать, как внятнее может быть». В другой раз он так выразился в собственноручной записи Синоду об известной нам уже книге относительно немецкого домашнего хозяйства: «Немцы обыкди многими рассказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались, чего, кроме самого дела переводить не надлежит». В руководство Государь приложил и образец перевода, «дабы по сему книги переложены были без лишних рассказов, которые время только тратят и чтущим охоту отъемлют» **.

Рассмотрев некоторые из просветительных целей и средств Петра Великого, коснусь в заключение вопроса: как относился народ к его деятельности? По тогдашнему состоянию нравов в России, по множеству случаев противодействия великим намерениям Государя можно бы заключить, что народ вообще враждебно смотрел на Петра. На деле выходит противное, и в этом лучше всего выражается историческое призвание русской нации. Впрочем, самое появление в России такого деятеля и успешное исполнение его планов не были бы возможны без предрасположения народа к тому развитию, на путь которого он был, по-видимому насильственно, двинут Преобразователем. Было уже сказано, что Россия хотя медленно, но издавна подготавливаема была царями к вступлению на этот путь. Когда для нее, наконец, рухнули вековые преграды, движение государственной жизни, долго сдержанное, не могло сделаться стремительным; пробужденный внешнею силой, вызванный к чрезвычайным напряжениям, народ хотя иногда и роптал, но смотрел на своего энергического царя с изумлением и любовью, и как бы бессознательно чувствовал великое значение наступившего времени.

* *Нартов*. Анекд. 57.

** *Пекарский*. Т. I. С. 214, 227; *Соловьев*. Т. XVI. С. 19; Т. XVIII. С. 194.

Неотразимым свидетельством такого отношения народа к Петру служит большое число эпических песен, сложившихся в его царствование и недавно изданных в Москве г. Безносовым *. Несмотря на многие новые налоги, на тяжкие повинности и изнурительные работы, которым подвергся народ, он сочувственно пел подвиги беспримерного Государя и его сподвижников. Вера в заботливость его о народе выражается, напр<имер>, в одной из песен о правеже, в которой после опивания, как «били доброго молодца на жемчужном перекресточке во морозы во крещенские во два прутушка железные», вдруг является сам государь и спрашивает:

«Вы за что добротнаго казните,
Бьете, казните смертью смертною»? —

вымысел, показывающий, как ценил народ, что Петр входил во все нужды его, не чуждаясь общения с людьми всех состояний.

В другой песне Петр, «свет наш батюшка, первый император», едет в Сенат:

Под ним лошади вороные,
На самом на нем платье черно,
Платье черное, да все кручинно.

Отчего же он в трауре? Приехав в Сенат, он пишет куда-то в чужую землю объявление войны. Здесь опять кроется та же мысль об участии Петра в судьбе подданных: он готовится к войне, но заранее скорбит о народе и облекается в траур.

Смерть Государя также вызвала несколько особых песен, новое свидетельство глубокого впечатления, произведенного ею не только в высших сословиях, но и в простом народе по всей России. Есть известие, что когда в Успенском соборе в Москве публично прочитан был манифест об этой кончине, особенно же во время панихиды, по всему храму раздались громкие вопли. «Во истину, — говорит свидетель, — такого ужаса народного от рождения моего я николи не видал и не слышал, что, как слышно, и по всем приходам и улицам и той же публикации чинилось» **.

С той самой поры до нашего времени не было еще в жизни русского народа минуты, в которую бы так единодушно и торже-

* Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 8. М., 1870. — Приведенные ниже отрывки — с. 33 и 212.

** Записки И<мператорской> Академии наук. Т. IV. Кн. I; *Пекарский*. Совр<еменное> известие о кончине Петра В<еликого>. С. 66.

ственно выразилось сознание величия Петра и благоговение к его памяти. Никогда еще Россия и не могла оценить дел его как в царствование Государя, который по вступлении на престол прежде всего поспешил твердою рукою уничтожить важнейшее препятствие к полнейшему обновлению русской жизни. Без освобождения народа дальнейшее развитие петровских реформ становилось невозможным. Этим великим делом, о котором могли едва только мечтать и Петр Великий, и Екатерина II, открылась новая эпоха для самых предначертаний Петра, новая будущность для его просветительных, — сознаемся, еще далеко не достигнутых целей. Только теперь настала нужда в других средствах, нежели те, какие употреблял Петр Великий, и эти новые средства отчасти уже применяются. Русская жизнь потекла новым путем, о котором и не помышляли современники Петра. Но пусть многие из примененных им способов для нашего века уже не пригодны; пусть в некоторых из них он и для своего времени ошибался; просветительные цели его достойны навеки остаться для русского народа святым заветом величайшего из русских людей. Многие из этих целей могут быть достигнуты только дружными усилиями всех и каждого. Сюда относится, между прочим, обязанность стараться о распространении в нашем обществе, и особенно в молодом поколении, тех личных свойств, которыми в такой высокой степени обладал Петр I как человек, — его трудолюбия, его энергии и стойкости во всяком предприятии, его стремлении ко всему существенному, его уважения к истинному достоинству и основательному знанию. Если б эти драгоценные свойства Преобразователя России сделались более обыкновенными в ней явлениями, — каких бы громадных результатов нельзя было бы ожидать от даровитого русского народа в культурном отношении! Великая личность Петра должна становиться более и более знакомою и близкою всем классам народа, и в самом отдаленном потомстве она не утратит своего воспитательного значения. Такой же смысл должно иметь и нынешнее всенародное торжество, связывающее между собою две славные эпохи в истории образования России. Пусть русский народ гордится своим Просветителем не в удовлетворение своего суетного национального самолюбия, но в назидание самому себе. Что, если б в истории этого народа повторилась история жизни этого Государя и вышел бы русский народ, подобно Петру, победителем из борьбы с недостатками своего исконного воспитания? Как детские потехи Петра обратились позднее в грозную воинскую силу, так, может быть, и легкие начатки русского заимствованного образования перейдут в серьезное, самостоятель-

ное дело: Россия процветет наукою, и, кто знает, может стать, займет по своим культурным успехам первенствующее место между народами мира и сделается, как некогда ее Преобразователь, провозвестницею просветительных идей и духовного могущества. Только тогда Россия будет истинно великою державою, когда к ее сильному материальному росту присоединится соразмеренное внутреннее развитие. Вот чего желал, о чем заботился Петр. И только под условием сознания этой истины и стремления осуществить ее торжество в память развития великого Просветителя может быть по справедливости признано торжеством русского народа.

